

Продолжение.
Начало в "РМ" №4299.

Почерк письма меня поразил: слабо выведенные каракули:

Пишу сам, но на ощупь, не видя, что написано. Поэтому извините возможные ошибки.

А в следующем письме, написанном через месяц таким же трагическим почерком, я прочла:

Я все же хочу, по возможности, собрать все, что появляется о МЦ, в безумной надежде, что я вдруг поправлюсь — и напишу книгу о МЦ. На самом деле этой мечте не сбыться никогда, ибо я умираю.

Хотел бы с Вами повидаться и проститься, милая Анечка, может быть соберетесь по делам в Ленинград!

(Книгу свою В.Н. хотел назвать «Жар-птица»...)

Но в 82-м я не могла поехать в Ленинград из-за болезни мамы. А В.Н. очень скоро «ожил» и в ноябре пишет о своем восторге от стихотворения Цветаевой «Все повторяю первый стих...», которое ему только что прочли:

Это — жемчужина даже среди лучших вещей МЦ. Как же она могла писать, не будь этой беспресветной Елабуги! Что, это — последнее стихотворение? Обязательно напишите мне (не для распространения, конечно) —

к кому обращено стихотворение, кто он такой, где живет, какова природа его связи с МЦ?

кто эти шестеро?.. Откуда (из кого) эпитафия? («Я стол накрыл на шестерых». — А.С.). Это — истинный шедевр, и что перед ним вся старческая лирика Ахматовой с пресловутой «Поэмой без героя» в придачу. Как закономерно, что они не только не сошлись, но <нрзбр> и навсегда разошлись во время и после единственной своей встречи — сперва у Ардовых, потом — у Хардижева... Сведения об адресате стихов етс. шлите поскорее.

«Безумная надежда» написать «Жар-птицу» не покидала его... А также мечта об издании Собрания сочинений Цветаевой. Можно сказать, что последние годы жизни В.Н. прошли под знаком Марины Цветаевой, и теперь, когда он стал немощен, когда

Русская мысль.-
Париж.-2000.-
20 янв.-
с.12.

Анна Саакянц

ПЕРВОПРОХОДЕЦ

(Владимир Николаевич Орлов)

Е.В.Юнгер. Рис. Н.П.Акимова.

все его официальные регалии были в прошлом, свои надежды он возлагал на меня, полагая при этом, впрочем, что его голос мог еще что-либо значить в номенклатурном мире.

Вот его письмо от 27 декабря 1982 года:

Дорогая Анечка!

С новым годом, с новым счастьем! От души желаю Вам всего доброго и прекрасного в Новом году.

Я еще раз написал Г.М.Маркову (председателю правления Союза советских писателей; мрачное олицетворение застойной демагогической бюрократии. — А.С.) просьбу отчислить меня от председателя комиссии по наследству М.И.Цветаевой.

В моем положении, когда я не могу прочитать ни строчки (и это, вероятно, навсегда) я не могу выполнять обязанности председателя комиссии, перед которой возникают новые, важные и ответственные дела. Пишу также, что если сочтут полезным для дела оставить меня рядовым членом комиссии, против этого я <не возражаю>.

Пишу также, что Вас необходимо сохранить как секретаря комиссии.

И, наконец, прошу Г.М.Маркова взять на себя инициативу включе-

ния в план собраний сочинений на новую пятилетку (Союз писателей и Госкомиздат в ближайшее время приступят к составлению такого плана)

Собрания сочинений Марины Цветаевой в пяти томах.

(том I и II — стихи и поэмы; т. III — Театр и избранные письма; т. IV-V — проза).

Новая цветаевская комиссия должна, не откладывая, энергично и мотивированно обосновать необходимость этого издания.

Ваш Вл. Орлов.

Думаю, что нигде В.Н. не сказал так выразительно (хотя и помимо воли) «о времени и о себе», как в этом письме. Ему, автору многих трудов о русских поэтах, впервые давшему читателю многотомного Блока, вопреки полузапрещенности поэта; выпустившему серию великолепных томов «Библиотеки поэта», достойную сравнения разве что с довоенными изданиями «Academia», — ему приходилось никак не просить очередное литературно-номенклатурное ничтожество, чтобы тот соизволил подержать издание Марины Цветаевой... Не говоря уже о том, что все это было обречено на неудачу. Да простит меня тень Владимира Николаевича, но ни с кем из «совписательского» начальства я не стала встречаться. Прямо по Цветаевой, хотя и бессознательно: «Мое "не хочу" всегда: "не могу"... Не могу этого хотеть и не хочу этого мочь».

В 1983 г., когда не стало мамы, я несколько раз приезжала в Ленинград; еще с весны 81-го я наконец покинула нелюбимый Гослит и жила «на вольных хлебах». А с 82-го начала работать над книгой «Марина Цветаева. Страницы жизни и творчества» (вышла в 1986 г.). В один из моих приездов я позвонила В.Н., и он встревоженно спросил, если ли у меня договор с «Советским писателем»

на книгу. И, узнав, что есть, облегченно вздохнул, так как на эту же тему подал заявку один ленинградский литератор.

Последний раз я видела В.Н., когда привезла ему какую-то книгу по его просьбе. Он вышел в переднюю своей громадной квартиры на улице Желябова; и без того невысокого роста, согбенный от хвори и слепоты (он меня почти не видел), он казался маленьким погибающим гномом. Слова его были печальны и безнадежны.

Потом мы прошли на несколько минут в его кабинет с книгами до высоченного потолка; увидела я, среди прочих уникальных изданий и предметов, знаменитую статуэтку Анны Ахматовой работы Натальи Данько...

А в конце 83-го я получила от В.Н. последнее письмо (я послала ему и Е.В.Юнгер журнал «Театр» со своей публикацией пьесы Цветаевой «Феникс»). Оба откликнулись сразу; Владимир Николаевич писал:

2 декабря 1983

Дорогая Анечка, оба экземпляра альманаха получены, — сердечное спасибо! Елене Владимировне ее экземпляр передам завтра.

Не откладывайте визита в Союз писателей — насчет нового состава Цветаевской комиссии. Поговорите лично с А.А.Михайловым (сперва назовите его в Союзе в качестве председателя будущей комиссии, — я подумал и вижу, что это наилучшая кандидатура).

Если будете говорить с Михайловым, скажите ему, что я лично прошу его возглавить комиссию и проследить, чтобы в план новой пятилетки был включен пятитомник Цветаевой:

том I — Стихотворения

том II — Поэмы

том III — Театр

том IV и V — Проза и избранные письма.

Теперь все цветаевские дела ле-

жат на Вас, — и не выпускайте их из рук.

Обнимаю Вас.

Не забывайте меня.

Вл. Орлов

Из этого письма-«завещания» я усвоила лишь последние слова: я не забыла В.Н. Что же до Александра Алексеевича Михайлова, которого я знала как человека достойного (он занимался вопросами поэзии и современными поэтами), то и к нему я не стала обращаться, и вообще палец о палец не ударила для создания новой комиссии по литературному наследию Цветаевой. (Плохо же знал меня В.Н.!) Вся бессмысленность подобных «организаций», к счастью, стала для меня окончательно ясна. Знаменитый цветаевский сборник вышел в 1965 г. благодаря не комиссии, а В.Н. и нашему с Ариадной Сергеевной труду. Вторая цветаевская комиссия, созданная в 1972 г. Владимиром Николаевичем (первая давно перестала существовать после смерти в 1967 и 1968 гг. Эренбурга и Паустовского), была абсолютно ненужной: я тратила время на собирание подписей под нижайшими обращениями комиссии в «инстанции» с просьбой разрешить издать... трехтомник Цветаевой. Результатов не последовало никаких. Комиссия удивительным образом куда-то «рассосалась» — и вот десять лет спустя В.Н. возмечтал о создании третьей! (Я не упомянула, что первоначальная идея создания комиссии по литературному наследию Цветаевой принадлежала Ариадне Сергеевне, о чем она писала Орлову в октябре 1961 г., после выхода первой смертной книги «Избранное»).

Нет, я не выполнила его завета: «не выпускать из рук» цветаевские дела (а когда они были в моих руках?). Не выполнила вплоть до того, что сама никогда не предлагала опубликовать Цветаеву, — таков уж был мой пассивный характер. Предложения шли не от меня, а ко мне. Будь я активна, этих публикаций, журнальных и газетных, было бы, вероятно, больше... Но я ни о чем не жалею. Да и какое все это имеет значение? А редакторам, предлагавшим и «проталкивавшим» мое вечное спасибо...

Москва

Окончание следует.